

ИЗМЕРИТЕЛЬ ЖИЗНИ: К КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Е. В. ДУКОВ

Память — один из универсальных и удивительных механизмов жизни человека. Как только человек становится индивидуом, он начинает сопоставлять себя с другими, с прошлым. Это относится ко всему, что имеет в жизни существенное значение: дом, дорога, работа, различные социальные группы и т.д. И в этом ему помогают окружающие, на начальных этапах — школа, а окружает все искусство. С их помощью человек начинает жить памятью и с памятью. Собственно, это и отличает его от недочеловеков — манкуртов. Память — вечный измеритель, редко точный, но для нормальной жизни абсолютно необходимый. Ведь человек, группа и общество почти все измеряют с помощью памяти. Да и как понять, где мы находимся и с большей или меньшей вероятностью подготовиться к тому пути, который нас ждет дальше. Хотя ждет ли? Или мы должны его прокладывать сами, не надеясь на мифических мойр?

Лощанами в человеческой жизни в Новое время стали гуманитарные науки. Все они, так или иначе, занимаются проблемами памяти. Правда, до сегодняшнего дня нет единого понимания, что же это такое. Все ощущают значение этого феномена, но результаты, полученные методами разных наук, пока не привели к чему-то значимому, общему для всех. Правда, среди наук есть та, которой по определению положено заниматься памятью, и только ею. Это — история. Все остальные гуманитарные науки время от времени обращаются к памяти, но лишь как не самому главному из своих предметов. Лишь для науки истории память находится в центре интересов. Впрочем, сама история не всегда была наукой.

Как известно, изначально в Древней Греции история была одним из искусств, и ее богиня-покровительница Клио входила в число муз. Фактическим предметом истории вплоть до Нового времени должно быть содержание памяти общества, данное через историю крупных событий и, главное, жизнь отдельных выдающихся персон. И, в общем, так было. История состояла из абсолютных фактов, не нуждающихся в проверке, хотя время от времени, в зависимости от социально-политической ситуации правившихся и уточнявшихся. С этой точки зрения она несколько напоминала церковные догматы. Только в Новое время она стала становиться наукой и начала выстраивать свою методологию. Но одновременно в ранге так сказать «настоящей» науки с XVII в. она стала терять свою «абсолютность», размыла свой предмет, а потом и видоизменилась по сути. Возникли «частные» истории — техники, искусства, отдельных наук, городов, стран, континентов и т.д.

Начало XX столетия ознаменовалось возникновением истории повседневности и социальной истории. Во второй половине прошлого века история как бы вернулась в свое прошлое: появилась «публичная история», вообще отказавшаяся от притязаний на собственную историческую методологию, как, впрочем, и весь постмодернизм, в рамках которого она вызрела. «Публичная история» стала описывать жизнь не выдающихся лиц, а простых людей, стандартные ситуации и т.п., все то, что входит в обычную жизнь. В результате этих пертурбаций память стала одним из важных межпредметных феноменов. И она заняла одно из главных мест в науке социологии и в культурологии. Правда, она оказалась в роли «серого кардинала» — почти никто не говорит о социальной памяти напрямую, но многие понимают ее значение и, так или иначе, с ней начинают работать. Так появился термин «национальная память» и его производные, а в последнее время начинает мелькать термин «Память мира».

Это название первой из основных программ Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Основной ее задачей поначалу была защита всемирного документального наследия, или части памяти человечества. Программа была принята на Ассамблее ЮНЕСКО в 1992 г. и призвана была охватывать документы по всем значимым общечеловеческим ценностям. Она опиралась на устоявшиеся социальные институты, а ее главные постулаты в вербальной форме должны были передаваться из поколения в поколение во всех странах. Такова была идея. Но все пошло по иному пути. И это закономерно — земляне слишком разные, у них разные нормы и представления обо всем, что их окружает. Недаром XX век оказался периодом жесткой борьбы за идентичность, да и XXI век тоже пока не отстает. Затем идея письменного документа ушла в тень, начался период борьбы за памятники, сначала недвижимые, а потом и «движимые» — объекты культурного наследия, куда тоже частью вошли вербальные тексты.

Но что такое информация как форма социальной памяти? Что она собой представляет? Как она воспроизводится? И насколько социальная память может быть измерена вербальными текстами?

По оценке американского исследователя Д.С. Робертсона, существовало 5 типов информационных революций. Робертсон обозначил эти типы следующим образом: 1) появление языка; 2) появление письменности; 3) книгопечатание; 4) создание СМИ; 5) внедрение компьютеров.

Исходя из второго и следующих пунктов становится ясно, что речь идет о становлении письменности. Автор видит взаимообусловленность цивилизационного и информационного процессов и выдвигает идею, в центре которой положение: «цивилизация — это информация»¹. Американский ученый разделяет цивилизации по возможному объему производимой ими информации, а именно:

Уровень 0 – информационная емкость мозга отдельного человека – 107 бит;

Уровень 1 – устное общение внутри общины, деревни или племени – количество циркулирующей информации» 109 бит;

Уровень 2 – письменная культура; мерой информированности общества служит Александрийская библиотека, имеющая 532 800 свитков, в которых содержится 1011 бит информации;

Уровень 3 – книжная культура: имеются сотни библиотек, выпускаются десятки тысяч книг, газет, журналов, совокупная емкость которых оценивается в 1017 бит;

Уровень 4 – информационное общество с электронной обработкой информации объемом 1025 бит.

Социальная история человечества, представленная только как машинная цивилизация, – это, конечно, крайность. Как будто предваряя подобный схематизм, Ницше в конце XIX в. не без сарказма написал: «Чему учит нас машина? В машине мы видим наглядный пример сплочения толпы народа, действующей сообща, причем каждому определено только одно какое-нибудь дело; машина дает нам образец организации партии и ведения войны. Но сливая всех в одно целое – одну машину, и делая каждого орудием для известной цели, она не учит индивидуальному самонению. Вообще же она влияет [только] тем, что учит нас пользе централизации»². Трудно здесь что-либо возразить. Именно в XIX в. машина приобрела такой вид. Но в XX в. она преобразилась, «индивидуализировалась» и процесс этот не закончился и в XXI в. Компьютер – чудо мысли середины прошлого века – не случайно назван «персональным».

Но вербальные тексты, пусть уложенные в килобиты, – для социальной памяти фактор, пожалуй, третьеразрядный. Человек смотрит на мир и общается с ним не только на уровне текстов и связанных с ними идей и понятий. Гораздо более важную роль, пожалуй, здесь играют другие факторы, большая часть которых связана с подсознанием и невербальными аспектами коммуникации. Для социальной памяти, прежде всего, важны не только тексты, лишь малая часть из которых будет освоена и пушена «в дело», а сохранение передача ощущений, запахов, мимики, интонаций, подтекстов и т.п. И это тоже социальные факты памяти, и очень значимые.

Вот этот акцент на расширении *своего (индивида, группы, общества)* опыта для западной науки о социальной памяти очень важен и заставляет с большой осторожностью подходить к трактовке термина «общение», сравнивая его с русским аналогом. В русском языке термин «общение» вводится через слово «связь». По Далю, например, связь бывает деловой или дружеской. В театре или кино общение через игру актеров позволяет постичь замысел художника. То есть общение, как правило, функционально, оно должно решать какую-то конкретную задачу, хотя иногда может относиться и к обычному «трепу».

Но для западной науки это разные вещи. Беседа, лекция, спор, поиск истины и т.д., с точки зрения западной науки, не общение. Показательно, что один из столпов социологии Г. Зиммель рассматривал термин «общение» очень узко, исключительно только как свободное общение («общение ради общения»). У этой формы коммуникации, считал он, только одна цель — дать возможность самому общающемуся насладиться временем и во времени. Общение не должно быть наполнено реальным, конкретным содержанием, кроме одного — общающиеся должны быть равны или ощущать себя равными. «Мир общения, — писал Г. Зиммель, — единственный, где возможна демократия равноправных, — искусственный мир, создаваемый теми, кто хочет реализовать абсолютно чистый, лишенный всякого дебалансирующего материального акцента идеал взаимодействия»³. При этом понятно, что такая «демократия общения» не более, чем игра. Но она не только «играется» в обществе, с соответствующими словами, репликами, но и воспроизводится на основе социальной памяти с помощью мимики, жестов, положениями тел и т.п. Зиммель был едва ли не первым, кто обратил на это внимание. В книге «Социология исследования форм социализации», появившейся в начале XX в., он посвятил этому целый раздел — «Экскурс о социологии чувств»⁴ и тем задал импульс целому ряду научных направлений.

Невербальные формы коммуникации начали серьезно изучаться только с начала шестидесятых годов прошлого века, а пресса обратила на них внимание публики после того, как Джулиус Фаст в 1970 г. опубликовал книгу «Язык тела»⁵. В ней обобщались исследования о невербальных аспектах коммуникации, проделанных бихевиористами до 1970 г. Довольно быстро появились специалисты в новой области науки — невербалики. К настоящему времени учеными были описаны и зарегистрированы более 1000 невербальных знаков и сигналов. Новые импульсы получило пантомимическое искусство. Вербальная конструкция, на которой, казалось, прочно держалась представление о человеке-разумном, о чем свидетельствует его речь, уникальном существе, говорящем словами и соединяющем слова в осмысленные фразы, начала «проседать».

Выяснилось, что передача «информации» происходит не только вербальными средствами (они, как оказалось, занимают лишь 7% времени, которые человек затрачивает на коммуникацию), и даже не при помощи простейших звуковых средств (включая тембр голоса, интонацию и т.п.) — на это уходит 38% времени, а главным образом невербальных средств — они занимают 55%!⁶ Получивший эти результаты психолог Э. Мейерабиан, наверное, был озадачен. Получалось, что человечество не очень далеко ушло от своего дальнего предшественника, объяснявшегося при помощи мимики, жестов и междометий. Но позже, профессор Р. Бердвиссл провел аналогичные исследования и подтвердил долю невербальных средств в общении людей, а писатель А. Пиз в книге «Язык телодвижений» растиражировал результаты. Было установлено,

что в среднем человек говорит словами только в течение 10 – 11 минут в сутки и что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд. Как и Мейерабиан, они подтвердили, что больше 50% времени (у Бердвислла даже 65%), затрачиваемого на коммуникацию, уходит на невербальные средства общения⁷.

По сути дела, мы только начали приближаться к порогу первой из названных Робертсоном революций. Все остальные «революции» имеют отношение только к дистантной, письменной речи, а не непосредственной коммуникации с другими людьми. Но, приближаясь к замечательным эпохам этих революций, мы почему-то потеряли значительную часть естественной живой «лексики», которая изначально связывала нас с окружающим миром. Сегодня только в сказках остались следы удивительно коммуникативно богатой человеческой цивилизации, где все могли понимать язык зверей и птиц, интерпретировать как язык шелест листьев или грохот камнепада. Теперь только редкие из редких могут приблизиться к этому искусству наших далеких предков. Но зато почти все владеют письменной речью, по сути дела, искусственной, заменившей бывшую богатую естественную. И человек все больше закрывается не менее искусственными экранами, сначала в виде загадочных плетенок, затем – рукописного и, наконец, компьютерного письма. Все, что не было связано со словом, как бы ушло в тень.

Но что такое письменная речь? С одной стороны, письменность – это одна из форм социальной памяти. Так утверждал еще Лотман: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание... создает механизмы коллективной памяти. К ним следует отнести и письменность»⁸. Но считается, что письменность – коммуникативная форма, рассчитанная на «Иных». Хотя трудно с уверенностью сказать, прочтет или прочтут ли эти «Иные» адресованное им послание, к тому же не ясно, когда и как прочтут. Вряд ли это не понимают пишущие, иначе не было бы такого института, например, как почта. Нельзя ли предположить, что послание пишется себе, в первую очередь, а уж во вторую – реальному адресату? Значит ли это, что социальная память складывается прежде всего в автокоммуникации?

Насколько корректна эта гипотеза? Посмотрим на историю литературы, на ее эпистолярный жанр, быстро развившийся с XVII в. Гете выбрал его для знаменитого «Вертера», и, объясняя, почему остановился именно эпистолярике, он отослал к стилю своего мышления. Описывая себя в третьем лице, он заметил: «Привыкнув наиболее приятно проводить свое время в обществе, он превращал даже уединенное размышление в светскую беседу и делал это следующим образом. У него была привычка, оставаясь в одиночестве, вызывать перед своим мысленным взором кого-нибудь из своих знакомых. Он предлагал этому человеку присесть, принимался расхаживать по комнате, останавливался перед ним и рассуждал о предмете своих размышлений. Человек отвечал сообразно логике разговора или выражал

свое согласие или несогласие обычными жестами, которые у каждого человека в чем-то неповторимо индивидуальны. Говорящий затем развивал ту мысль, которую, казалось, гость одобрил, или же более четко обосновывал ту, с которой гость не соглашался, и, наконец, из вежливости уступал взгляду своего гостя... Насколько близок такой диалог к переписке — вполне очевидно, что только в последней человек получает ответ на сообщение, которым он поделился, тогда как в первом он сам себе адресует сообщения, которые возникают неожиданно, постоянно меняются и остаются без ответа»⁹.

Может быть, это специфично только для гениев? Но в экстазе все мы можем говорить, убеждать, даже вслух каких-то собеседников, выдуманных или реальных, если никого рядом нет. И это норма. Язык, писал в начале XX в. американский социальный психолог Ч.Х. Кули, вообще «неотделим от личного общения в сознании; а так как развитое мышление предполагает язык, оно всегда представляет собой род воображаемой беседы. Слово и собеседник — соотносительные понятия»¹⁰. И далее: «Голос, выражение лица, жесты и т.п., которые позднее становятся средством личностных впечатлений и чувственной основой человеческой симпатии, поначалу привлекательны главным образом за их осязаемое разнообразие и живость, точно так же как и другие яркие, движущиеся, звучащие вещи, а понимание их приходит постепенно благодаря совместной работе инстинкта и наблюдения... Мы от рождения обладаем сырым материалом таких чувств. И именно в акте коммуникации, в социальных контактах того или иного вида этот материал разрастается, получает импульсы для дальнейшего определения, совершенствования и организации. Именно в общении с другими мы расширяем наш внутренний опыт»¹¹.

Правда, значения слов «собеседник», «адресат» и т.п. в контексте коммуникации сегодня также размыты, как и многие другие понятия. В теории информации, как известно, адресат — это тот, кто получает физический сигнал и преобразует его в приемлемую для себя форму. Это относится как к электронному прибору, так и к сенсорно-рецепторной системе организма, или к самому организму. Здесь нет упоминания об «Иных». Они, конечно, могут быть, но могут и не быть. Не выяснял ли, на самом деле, Робертсон то, как и почему человек научился разговаривать сам с собой и что из этого вышло, хотя намеревался провести анализ, как человек налаживает осмысленную коммуникацию (с помощью, прежде всего, слов) с другими? Ведь основная часть коммуникации, если верить американским ученым, по-прежнему идет, главным образом, в невербальном режиме. И ее так же поддерживает и питает социальная память, потому что с ней связано социальное «Я».

Зиммель только обозначил разные типы «Я» и идею об обществе, первично построенном на обмене жестами и символами, из чего, по его мнению, со временем вырос «человеческий» язык с артикулированной речью. Приемниками Зиммеля стала американская школа

символического интеракционизма – Дж. Мид, Э. Гофман, Х. Блумер и др., которая ставила одной из важных задач проникновение во внутренний символический код человека и человеческих обществ, который позволяет раскрывать реальный смысл общения и поддерживать его. Жесты и символы позволяют людям понять скрытый контекст, более точно интерпретировать употребляющиеся слова и выражения и понять ожидания коммуницирующего.

При этом «Я» оказывается разным в поле социальной памяти. Я можно разделить на личную (касающуюся внутреннего мира) и собственно социальную. И как ни хотелось бы на первое место поставить личное, на самом деле главную роль здесь играет социальное. Оно самое важное в процессе возникновения моего «Я» у других – и у человека, и у группы, страты, класса и т.п. Социальное заставляет индивида переделывать, вольно или невольно, собственное «Я», сравнивать сегодняшнее со вчерашним и прилюдно утверждать новое, если оно возникло, или утверждать уже возникшее. В результате в процессе общения, реального или виртуального, субъект создает свой собственный социальный мир, разыгрывает в нем разные роли, запоминает их дислокацию и фиксирует степень удачливости. Естественно, что при этом он не может быть полностью свободен от действий других людей, их отношений и оценок, но, по Миду, не подчинен им полностью. Мид за 80 лет до появления «Декларации независимости Киберпространства» Джон Перри Барлоу сформулировал идею о человеке – творце нового социального порядка¹². В этом отношении Мид гораздо больше созвучен XXI веку, чем Парсонс, родившийся почти на 40 лет позже. Парсонс считал недостатком человека его стремление к нарушению требований общества. В концепциях Мида господствует идея свободы человека, благодаря которой укрепляется порядок в обществе. Он считал, что социальный порядок есть не что иное, как имманентный процесс изменений.

Какие формы приобретет в недалеком будущем социальная память, сейчас не очень ясно. Идет качественная ее перестройка. Страна за страной оцифровывают свои архивы и размещают их в свободном доступе на экранах сети. Социальная память начинает выступать одновременно и как порождение истории человечества, и как порождение личностных факторов индивидов. Когда-нибудь это должно дать новый результат. Только какой?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Робертсон Д.С. Информационная революция // Информационная революция: наука, экономика, технология: Реферативный сб./ ИНИОН РАН. – М., 1993.

² Ницше Ф. Странник и его тень // Ницше Ф. ПСС. В 13 т. Т. 2. – М., 2011. С. 218.

³ Зиммель Г. Избр. Т. 2. Созерцание жизни. – М., 1996. С. 492.

⁴ Simmel G. Exkurs über die Soziologie der Sinne // Soziologie Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Herausgegeben von O.Rammstedt. Bd. 11. – Fr. am Main, 1992.

⁵ Фаст Дж. Язык тела. Азбука человеческого поведения / пер. Л.А. Игоревского. – М., 2008.

⁶ Mehrabian A. *Silent messages: Implicit communication of emotions and attitudes* (2nd ed.). – Wadsworth, Belmont (California). 1981.

⁷ Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам. – М., 2003.

⁸ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996. С. 35 – 346.

⁹ Goethe. Correspondence between Goethe and Schiller 1794 – 1805 // *Studies in Modern German Literature*. Vol. I. Hardcover. October. 1994. № 1. S. 501.

¹⁰ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. – М., 2000. С. 72.

¹¹ Там же. С. 79 – 80.

¹² Барлоу Д. П. Декларация независимости Киберпространства. – URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html>

REFERENCES

Barlow J. P. *A Declaration of the Independence of Cyberspace*. Available at: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html> (trans. in Russian).

Cooley Ch.H. *Human Nature and the Social Order*. Moscow, 2000 (trans. in Russian).

Fast J. *Body language. The ABCs of human behavior*. Trans. in Russian by L.A. Igorevsky. Moscow, 2008.

Goethe. Correspondence between Goethe and Schiller 1794-1805. *Studies in Modern German Literature*. Vol. I. Hardcover. October 1, 1994.

Lotman Yu.M. *Inside of thinking worlds*. Moscow, 1996 (in Russian).

Mehrabian A. *Silent messages: Implicit communication of emotions and attitudes*. 2nd ed. Wadsworth, Belmont (California), 1981.

Pease A. *Body language*. Moscow, 2003 (trans. in Russian).

Robertson D.S. Information Revolution. *The information revolution: science, economics, technology*. Abstract collection. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, 1993 (in Russian).

Simmel G. Exkurs über die Soziologie der Sinne. *Soziologie Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Herausgegeben von O. Rammstedt. B.11. Fr. am Main, 1992.

Аннотация

Социальная память в статье рассматривается как один из универсальных механизмов жизни человека. Рассмотрены формы памяти, информация как память. Критически рассмотрена концепция Д. Робертсона о типах социальных революций в информации. В статье большое внимание уделено невербальным аспектам коммуникации, их роли в социальной памяти и становлении социального «Я» (me). Поставлен вопрос о современной качественной перестройке социальной памяти, при которой социальная память начинает обращаться к истории человечества и скрещивается с личностными факторами.

Ключевые слова: социальная память, информационные революции, социальный опыт, общение, невербалика, письменная речь.

Summary

In this article social memory is regarded as one of universal mechanisms of human life. Under consideration: forms of memory, information as memory.

There is a critical survey of D. Robertson's conception of types of social revolutions in information. A great deal of attention is given to non-verbal aspects of communication, their role in social memory and the forming of the social 'I' (me). There is also a question of contemporary qualitative redesigning of social memory when social memory is turning to the history of humankind and crosses with individual factors.

Keywords: social memory, information revolutions, social experience, intercourse, nonverbalica, written speech.